

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.54)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-07)

EDN: FBSOWB

ПОГРЕБЕНИЕ МОНГУН-ТАЙГИНСКОГО ТИПА В ДОЛИНЕ РЕКИ ЖОМБОЛОК (ОКИНСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Артур Викторович Харинский^{1*}, Дмитрий Евгеньевич Кичигин²

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;
kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

²Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия;

kichkok@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье рассмотрены результаты раскопок комплекса 1 могильника Шарза-3 в Окинском районе Бурятии, впервые вводимые в научный оборот. Могильник находится в 1,4 км к северо-востоку от улуса Шарза, на левом берегу р. Жомболок, у подножия горы. Высота кургана комплекса 1 — 0,5 м, диаметр 5,6 м. Он сложен из камней. Под курганом на древней поверхности земли из крупных камней сооружено овальное кольцо, ориентированное по линии ЮВ–СЗ. Внутри кольца на древнем горизонте обнаружены отдельные человеческие кости. Вероятно, погребенный располагался вытянуто и был ориентирован на северо-запад. В захоронении не обнаружены какие-либо артефакты. К настоящему времени Шарза-3–1 является первым захоронением, исследованным на Окинском плоскогорье. Судя по радиоуглеродной дате, время его сооружения относится к 1-й половине VIII в. до н.э. Особенности погребального ритуала сближают Шарзу-3–1 с захоронениями монгун-тайгинского типа, известными в позднем бронзовом веке на территории Западной, Центральной и Северной Монголии, Горного Алтая, Тувы и Юго-Восточной Бурятии. Актуальность исследования определяют недостаточная изученность археологических объектов на территории Горной Оки и отсутствие культурно-хронологической периодизации археологических объектов Юго-Восточного Саяна.

Ключевые слова: Бурятия, Окинское плоскогорье, р. Жомболок, курган из камней, херексуры, захоронения монгун-тайгинского типа

Благодарности: полевые исследования, проводившиеся авторами статьи в 2020–2021 гг. в Окинском районе Республики Бурятия, осуществились благодаря финансовой поддержке группы компаний «Бест» — руководитель Г.К. Рыков и компании «АН Инвест» — руководитель А.Н. Недбаев. Авторы статьи выражают признательность профессору университета Альберты (Канада) Анджею Веберу за радиоуглеродную датировку образца из могильника Шарза-3.

Для цитирования: Харинский А. В., Кичигин Д.Е. Погребение монгун-тайгинского типа в долине реки Жомболок (Окинский район Республики Бурятия) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №1. С. 114–136. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-07)

MONGUN-TAIGA TYPE BURIAL FROM THE VALLEY OF THE ZHOMBOLOK RIVER (THE OKINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Artur V. Kharinskii¹*, Dmitrii E. Kichigin²

¹Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia;
kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

²Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia;
kichkok@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

*Corresponding Author

Abstract. The article examines the results of excavations of complex 1 of the Sharza-3 burial ground in the Okinsky region of Buryatia, which were introduced into scientific circulation for the first time. The burial ground is located 1.4 km northeast of the Sharza ulus, on the left bank of the river. Zhombolok at the foot of the mountain. The height of the mound of the complex 1 is 0.5 m, the diameter is 5.6 m. It is made of stones. Under the mound, on the ancient surface of the earth, an oval ring was built from large stones, oriented along the NW-SE line. Individual human bones have been discovered inside the ring on the ancient horizon. Probably, the buried person was located elongated and oriented to the north-west. No artifacts were found in the burial.

To date, Sharza-3-1 is the first burial explored on the Oka Plateau. Judging by the radiocarbon date, the time of its construction dates back to the first half of the 8th century. BC. The peculiarities of the funeral ritual bring Sharza-3-1 closer to the burials of the Mongun-Taiga type, known in the Late Bronze Age in Western, Central and Northern Mongolia, the Altai Mountains, Tuva and South-Eastern Buryatia. The relevance of the study is determined by the insufficient knowledge of archaeological sites on the territory of the Mountain Oka and the lack of a cultural and chronological periodization of archaeological sites the South-Eastern Sayan.

Keywords: Buryatia, Oka Plateau, river Zhombolok, mound of stones, khereksurs, burials of the Mongun-Taiga type

Acknowledgments: field research conducted by the authors of the article in 2020–2021 in the Okinsky district of the Republic of Buryatia was carried out thanks to the financial support of the «Best» group of companies — director G.K. Rykov and the company «AN Invest» — head A.N. Nedbaev. The authors of the article express their gratitude to Professor Andrzej Weber of the University of Alberta (Canada) for radiocarbon dating of a sample from the Sharza-3 burial ground.

For citation: Kharinskii A.V., Kichigin D.E. Mongun-Taiga Type Burial from the Valley of the Zhombolok River (the Okinsky District of the Republic of Buryatia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(1): 114–136. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-07)

Введение

Окинский район расположен на крайнем западе Бурятии в горах Восточного Саяна. Значительную его часть занимает Окинское плоскогорье. С севера оно ограничено хребтом Кропоткина, с западной стороны — хребтом Большого Саяна, по которому проходит граница района с Тывой и Монголией. С юга плоскогорье окаймляется хребтом Мунку-Сардык, по которому следует продолжение российско-монгольской границы. На юго-востоке плоскогорье обрамляют Тункинские гольцы. По ним проходит граница между Окинским и Тункинским районами Бурятии. На северо-вос-

токе плоскогорья ограничивается Главным Саянским разломом, за которым находится территория Иркутской области (рис. 1.-1).

В северной части плоскогорья располагается Окинский низкогорный котловинный район со следами ледниковой деятельности в краевых частях (Выркин, Масюткина, 2017). Он локализуется вдоль р. Оки, с правой стороны в которую впадает река Улзыта, а с левой стороны — реки Сенца, Жомболок и Сайлаг. Между речными долинами располагаются расчлененные денудационные скальные останцы, поросшие лиственным лесом. В расширенном днище р. Оки сформировались аллювиальные равнины, покрытые степной растительностью. Климат района резко континентальный, характеризуется большими суточными и годовыми колебаниями температур, небольшим количеством годовых осадков.

С юга на север территорию района пересекает река Ока (по-бурятски Аха гол, по-сойотски Ок хем) — левый приток Ангары. Ее основными притоками в пределах Окинского плоскогорья являются: Тисса, Сенца, Жомболок. Большую часть долины р. Жомболок заполняет лавовое поле. Оно представлено шлаковыми конусами и лавовым потоком длиной более 70 км, шириной до 4 км и максимальной мощностью 150 м. Начало формирования Жомболокского лавового поля произошло около 13–14 тыс. л.н. Последнее извержение лав в долине р. Жомболок происходило в период с конца VII по VIII в. н.э. (Аржанников и др., 1922).

В процессе работ, проводившихся на территории Окинского района в 2021 и 2022 гг. археологическим отрядом Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ), основное внимание уделялось изучению могильников бронзового — железного веков, которые до этого времени не раскапывались на Окинском плоскогорье. Для изучения были выбраны остепненные участки долин рек Ока, Сенца и Жомболок. Один из наиболее интересных для археологических исследований участков находился в районе улуса Шарза на реке Жомболок. К настоящему времени в окрестностях улуса известно восемь археологических объектов. Четыре из них находятся на левом берегу р. Жомболок: могильники Шарза-1, 2, 3 и стоянка Шарза-4 (Ташак, 2020а; Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). На правом берегу Жомболока также располагаются четыре объекта: стоянки Тропа Кропоткина-1, 2, 3 и петроглифы Монгольжин (Ташак, 2020б; 2022).

Из трех могильников, расположенных на берегах р. Жомболок, наиболее выразительные надмогильные конструкции отмечены у одиночных курганов Шарза-1 и Шарза-3. В отличие от них каменные конструкции Шарза-2, вероятнее всего, не являются надмогильными кладками. Предварительно их можно интерпретировать как ритуальные сооружения (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). Насыпь кургана Шарза-1 сложена из окатанных валунов диаметром около 8 м. В центральной части кургана большая впадина — следы грабительского раскопа. Целостность кургана была нарушена еще в древности, поэтому его раскопки были не так перспективны, как исследование кургана Шарзы-3, у которого не фиксировались следы разрушения (рис. 3.-1). С учетом этого было принято решение приступить к раскопкам на могильнике Шарза-3, которые могли бы пролить свет на культурно-хронологическую локализацию по-

добных сооружений и послужить в будущем для создания археологической периодизации Окинской котловины.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов кургана №1 могильника Шарза-3 и его культурно-хронологическая интерпретация.

Материалы и методы

Могильник Шарза-3 находится в 1,4 км к северо-востоку от улуса Шарза, на левом берегу р. Жомболок, в 640 м к западу от зимника Ташапур. Памятник расположен на террасовидной площадке, поросшей отдельными лиственницами, в 60 м к северо-востоку от реки и в 4 м к северо-востоку от проселочной дороги, следующей из с. Хужир в улус Шарза. Вдоль дороги проходит ЛЭП (рис. 1, 2).

Археологический объект обнаружен Б.Б. Дашибаловым в 1994 г. Исследователь дает следующее описание памятника: «Шарза-III. Могильник. Находится на левом берегу р. Жан-Болок в 2 км на северо-восток от моста. В этом месте река упирается в горный прижим и делает крутой поворот на юг. На высокой террасе у подошвы крутой вершины в 30 метрах севернее проселочной дороги, перед тем как она спускается в низину, находится большой курган. Насыпь кургана круглой формы диаметром 6 м, сложена из грубообломанных плит. Камни кладки хорошо задернованы и плотно посажены» (Дашибалов, 1994, с. 9).

В 2012 г. Д. А. Мягашевым на территории Окинского района проводились работы по определению территории археологических объектов и координированию их углов поворота. При описании могильника Шарза-3 исследователь повторяет текст Б.Б. Дашибалова, но приводит координаты не территории, на которой располагается археологический объект «Шарза. Могильник III», а участка, находящегося в 680 м от него по азимуту 250°, в 1 км к северо-востоку от моста через Джомболок, на берегу озера (Мягашев, 2012, с. 32). В конце 2010-х гг. памятник осматривался В. И. Ташаком.

В 2021 г. археологическим отрядом ИРНИТУ проведен осмотр территории памятника. К западу от кургана, обнаруженного в 1994 г. Б.Б. Дашибаловым, который был обозначен как комплекс 1, выявлено несколько скоплений камней, напоминающих искусственные конструкции. Им присвоены номера со 2-го по 5-й (рис. 2).

Комплекс 2 находится в 8 м к северо-западу от комплекса 1 и в 2 м к юго-западу от отдельно стоящей лиственницы. Его кладка овальная, размером 2,0×2,7 м, ориентирована по линии с азимутом 310°. Камни конструкции хорошо задернованы и покрыты лишайником. Их размеры от 18×30 до 28×35 см. В центре кладки камни прослеживаются слабо. Комплекс 3 с юга примыкает к комплексу 2. Его кладка овальной формы размером 2,0×3,4 м, ориентирована по линии с азимутом 320°. Она состоит из камней размером от 14×17 до 34×39 см. В центре конструкции камни не фиксируются. Комплекс 4 с юга примыкает к комплексу 3. Его кладка овальной формы, размером 1,9×4,2 м, ориентирована по линии с азимутом 330°. Она состоит из камней размером от 14×20 до 46×52 см. В центре камни практически отсутствуют. Комплекс 5 с юго-западной стороны примыкает к комплексу 4. Его кладка овальной формы размером 2,1×4,0 м, ориентирована по азимуту 330°. Размер камней от 12×15 до 42×48 см. По периметру кладки располагаются более крупные камни, чем в ее центре, где они практически отсутствуют.

Рис. 1. Местонахождение могильника Шарза-3: 1 – космоснимок окрестностей улуса Шарза; 2 – вид на комплекс №1 с юго-запада

Fig. 1. Location of the cemetery Sharza-3: 1 – satellite image of the surroundings of the Sharza ulus; 2 – view of complex No. 1 from the southwest

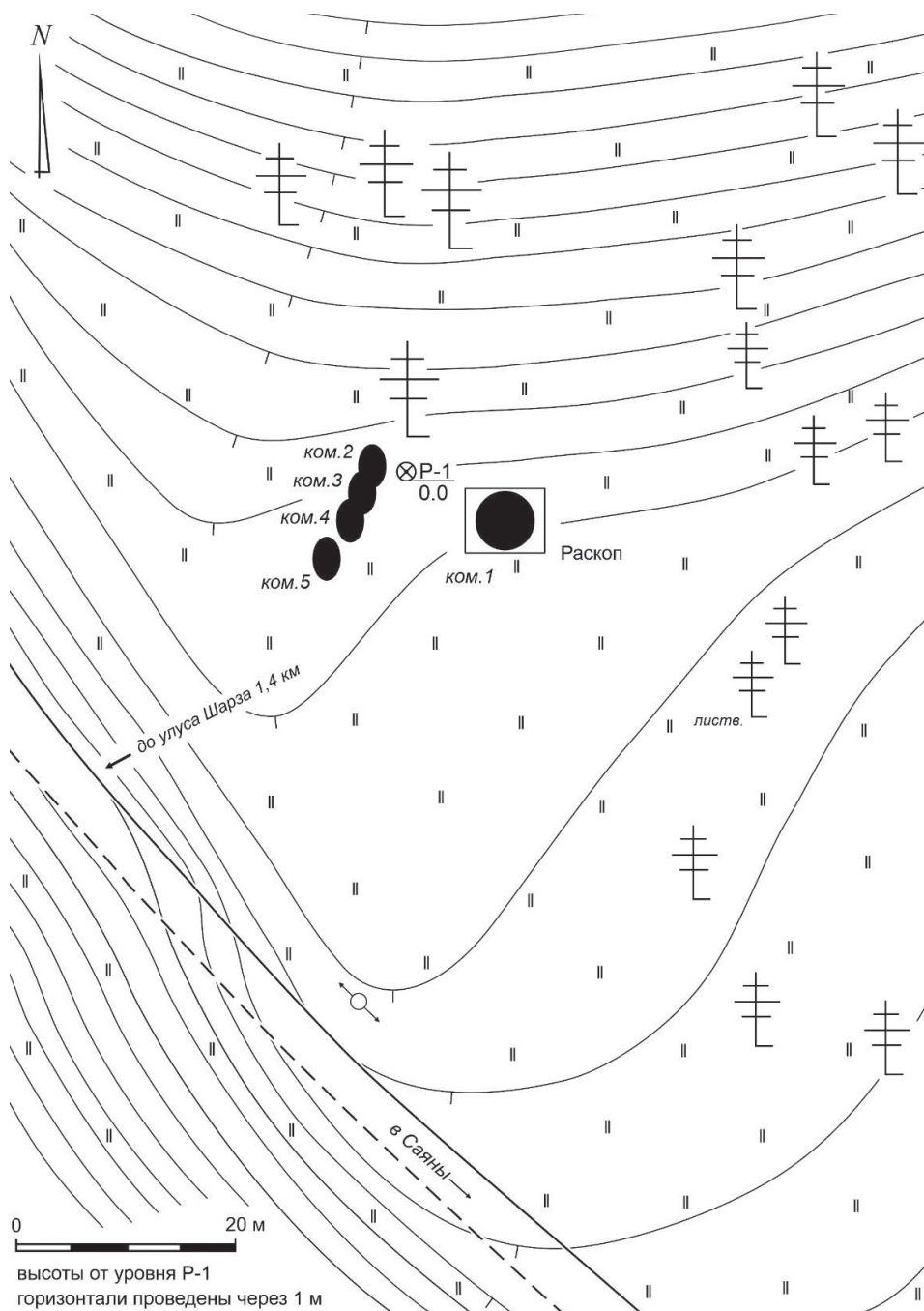

Рис. 2. План могильника Шарза-3

Fig. 2. Plan of the Sharza-3 cemetery

Комплекс 1 занимал на памятнике доминирующее положение, а расположенные к западу от него плоские каменные кладки (комплексы 2–5) предварительно можно было охарактеризовать как сателлиты главного сооружения. К 2021 г. в Окинском районе было исследовано только три кургана, подобных комплексу 1 (Ровинский, 1871; Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). Ни в одном из них не были обнаружены материалы, указывающие на их культурно-хронологическую принадлежность. Необходимость определить время, функциональное назначение и культурную характеристику подобных сооружений стала важнейшим фактором для начала раскопок комплекса 1 Шарзы-3. На месте кургана был разбит раскоп 6×7 м, ориентированный короткими стенками по линии север–юг.

Результаты

Высота кургана комплекса 1 — 0,5 м, диаметр 5,6 м. В конструкции фиксируется три уровня укладки камней. Верхний (уровень 1) сложен из камней размером от 10×20 до 20×68 см. Целостность каменной конструкции не нарушена (рис. 3.-2; 4).

Второй уровень камней образует круг диаметром 4 м, к которому с юго-восточной стороны пристроена каменная выкладка четырехугольной формы размером 0,7×2,8 м, вытянутая по линии ЮЗ–СВ. Четко фиксируется концентрация камней в центре, по юго-западному, северо-западному и северо-восточному краям конструкции. Среди камней кладки обнаружен нижний конец метаподии крупного парнокопытного (олень?)⁴.

Основание кладки располагалось в слое светло-коричневой супеси с обломочным материалом (мощность 3–5 см). Сверху этот слой перекрывался коричневой супесью (мощность 5–8 см), заполнявшей пространство между камнями кургана. Мощность дерна составляла 3–5 см. Светло-коричневую супесь подстилала серая скальная порода с обломочным материалом, вскрытая в центре конструкции на 30 см.

Третьим уровнем каменной конструкции является валунная камера — каменное кольцо овальной формы размером 2,4×2,9 м, состоящее из 12 камней размером от 34×38×18 до 60×70×25 см и ориентированное по азимуту 160° (рис. 4; 5.-1). Размер внутреннего пространства кольца — 1,5×2,0 м. Внутри валунной камеры найдены останки погребенного подросткового возраста. Их сохранность очень плохая. В юго-восточной части кольца найдены фрагменты черепа, в центральной части — фрагменты длинных костей, в северо-западной — четыре зуба. Вероятно, погребенный располагался вытянуто, головой на юго-восток или северо-запад. Следов могильной ямы не зафиксировано. Умерший был погребен на древней поверхности земли (рис. 6.-1).

К северо-западу от костей черепа погребенного найдены два камня (известняк с окислами железа) (рис. 5.-2). В 10 см от черепа располагался камень оранжевого цвета размером 5,8×5,2 см (рис. 6.-3). В 7 см к северу от него найден камень желтого цвета, размером 10,7×9,0 см (рис. 6.-4). Еще один камень желтого цвета (известняк с окислами железа) обнаружен в 58 см к северо-востоку от последнего (рис. 6.-2). Его размеры — 3,5×2,6 см. Обнаруженные вместе с костями погребенного камни являются карбонатными породами, желтый и оранжевый цвет которых — результат окисления самородного железа, содер-

⁴ Остеологическое определение проведено к.г.н., с.н.с. Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН Д. В. Кобылкиным.

жащегося в породах. Минерала красителя в образцах не обнаружено⁵. Эти камни имеют естественную окраску и были помещены в захоронение целенаправленно.

Рис. 3. Могильник Шарза-3, комплекс №1:

1 – курган до расчистки, вид с юга; 2 – курган после расчистки, вид сверху

Fig. 3. The cemetery Sharza-3, complex No. 1:

1 – mound before clearing, view from the south; 2 – mound after clearing, top view

⁵ Предварительный анализ цветных камней проведен к.г.-м.н., с.н.с. Института земной коры СО РАН Е.И. Демонтеровой.

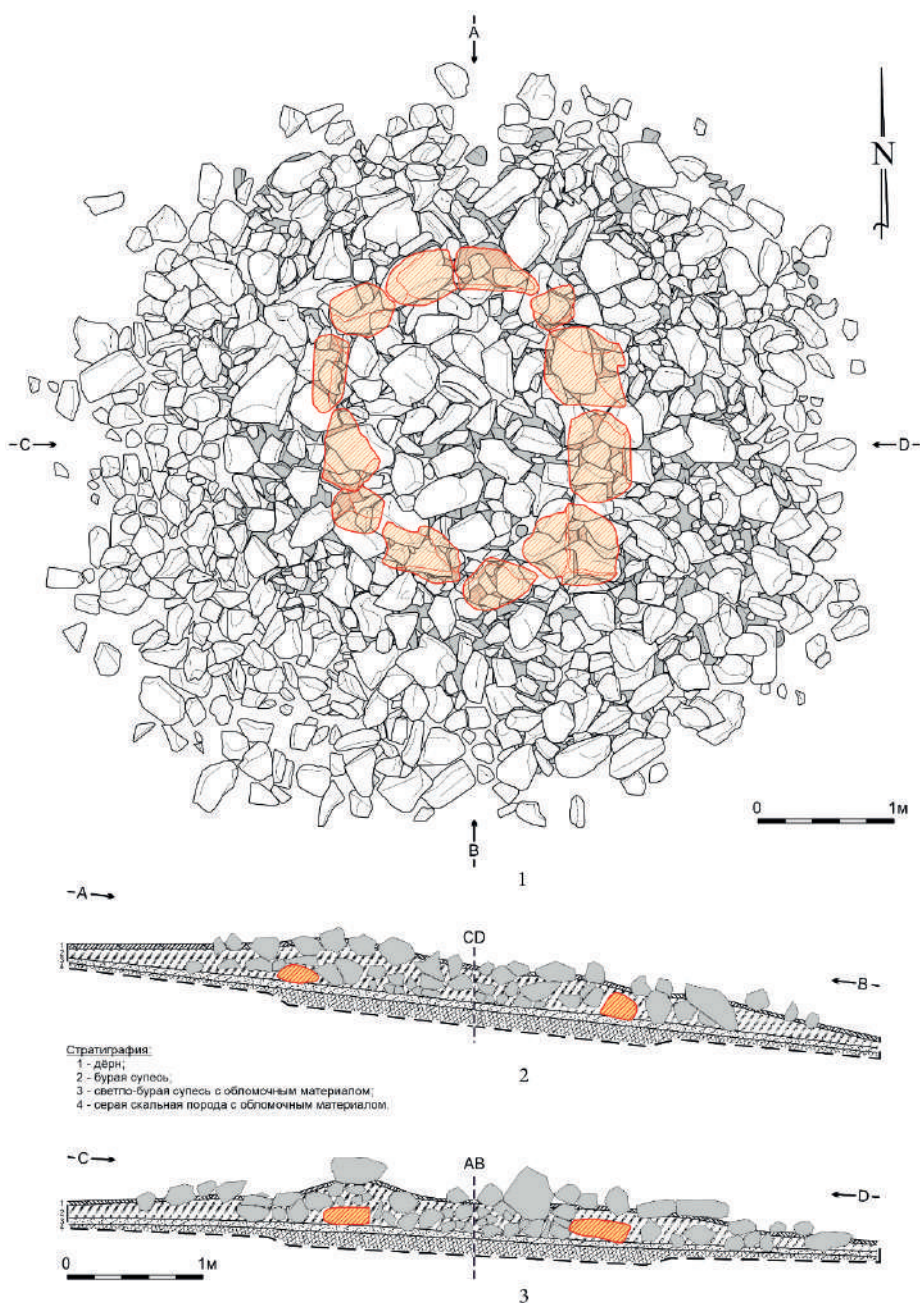

Рис. 4. Могильник Шарза-3, комплекс №1:
 1 – план кургана; 2, 3 – профильные разрезы (A-B и C-D)

Fig. 4. The cemetery Sharza-3, complex No. 1:
 1 – plan of the mound; 2, 3 – profile sections (A-B and C-D)

Рис. 5. Могильник Шарза-3, комплекс №1:
 1 – кольцевая конструкция в основании кургана, вид с юга;
 2 – камни оранжевого и желтого цветов в юго-восточной части кольцевой конструкции

Fig. 5. The cemetery Sharza-3, complex No. 1:
 1 – ring structure at the base of the mound, view from the south;
 2 – orange and yellow stones in the south-eastern part of the ring structure

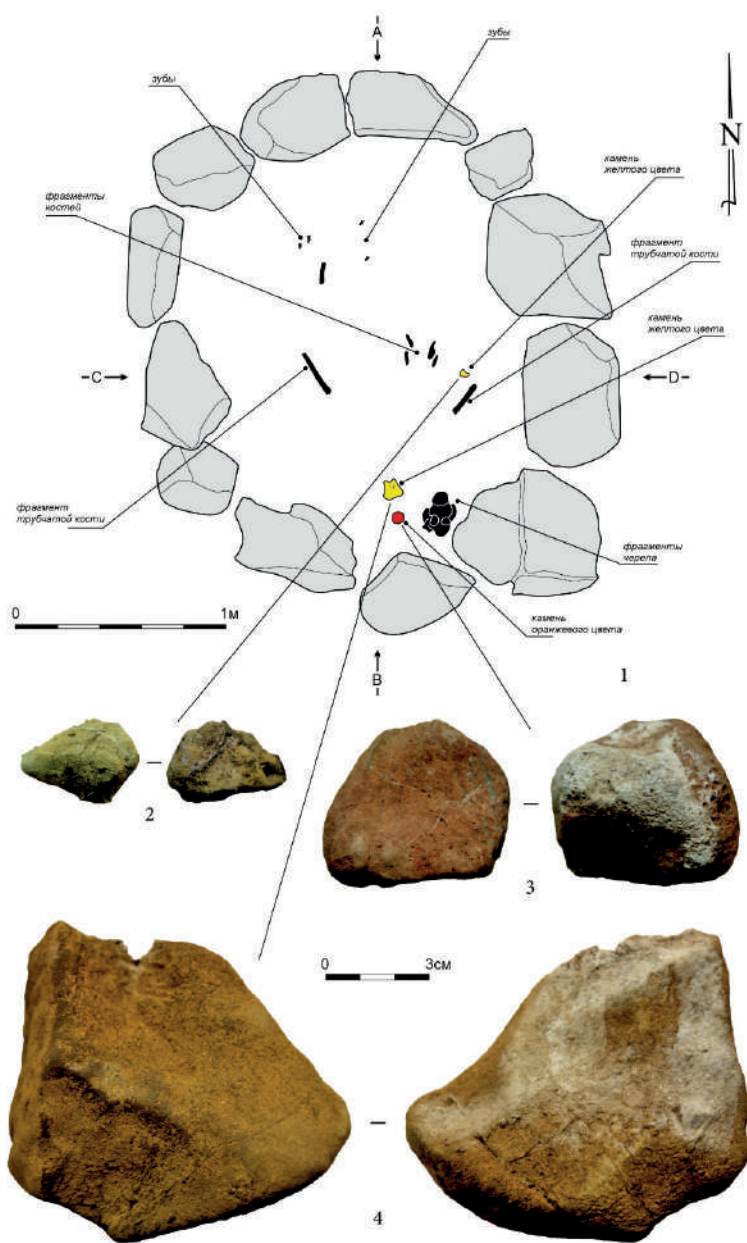

Рис. 6. Могильник Шарза-3, комплекс №1:
 1 – план кольцевой конструкции в основании кургана;
 2–4 – археологические находки (камни оранжевого и желтого цветов)

Fig. 6. The cemetery Sharza-3, complex No. 1:
 1 – plan of the ring structure at the base of the mound;
 2–4 – archaeological finds (orange and yellow stones)

Таблица 1

Химический состав камней из комплекса 1 могильника Шарзы-3

Tab. 1

The chemical composition of stones from the complex 1 of the Sharza-3 burial ground

Элемент	%	+/- [*4]
1626. Маленький кусок известняка желтого цвета		
Ca	29,32	0,13
SiO ₂	4,32	0,26
MgO	1,64	1,48
Al ₂ O ₃	1,06	0,33
Fe	0,77	0,03
Cl	0,21	0,03
P	0,19	0,04
Mn	0,08	0,01
K ₂ O	0,07	0,01
1627. Крупный кусок известняка оранжевого цвета		
Ca	26,75	0,12
SiO ₂	2,97	0,23
MgO	2,79	1,54
Al ₂ O ₃	1,38	0,34
Fe	0,91	0,03
P	0,21	0,04
K ₂ O	0,11	0,01
Mn	0,10	0,01
1627. Крупный кусок известняка желтого цвета		
Ca	31,96	0,14
SiO ₂	3,87	0,26
Al ₂ O ₃	1,28	0,36
Fe	0,70	0,03
P	0,20	0,05
K ₂ O	0,12	0,01
Mn	0,05	0,01

Химический состав камней был определен к.г.-м.н., доцентом Иркутского государственного университета С.В. Снопковым методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии, позволяющей проводить неразрушающий анализ образцов (табл. 1). Для опреде-

ления состава использовался настольный энергодисперсионный спектрометр СТХ800 (Bruker, Германия). Рентгенофлуоресцентная спектрометрия позволяет проводить приближенно-количественный экспресс-анализ химического состава артефактов. По результатам ряда научных исследований было показано, что расхождения между результатами неразрушающей рентгенофлуоресцентной спектрометрии и силикатного анализа с дроблением образцов для большинства элементов составляет менее 10–30%. Таким образом, метод позволяет проводить полуколичественный экспресс-анализ химического состава артефактов (Пашкова и др., 2021).

Цвет карбонатов определяют в первую очередь оксиды железа: ржаво-желтый — гидратированный оксид трехвалентного железа $Fe_2O_3 \cdot nH_2O$ и метагидроксид двух- и трехвалентного железа ($FeO(OH)$, $Fe(OH)_3$); красно-коричневый — минералы гематит и маггемит (Fe_2O_3). В образцах много фосфора, поэтому, как считает С.В. Снопков, в них могут присутствовать фосфаты кальция. В Окинском районе есть проявления фосфоритов (состоящие из апатита, карбонатов кальция, магния и железа). Они могут иметь разнообразные цвета: черный, темно-серый, коричневый, зеленовато-серый и буровато-желтоватый.

В Лаборатории радиоуглеродного анализа Оксфордского университета (Великобритания) по костям погребенного определен возраст захоронения Шарза-3–1 (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты радиоуглеродного анализа
образца из комплекса 1 могильника Шарза-3**

Tab. 2

**Results of radiocarbon analysis
of samples from complex 1 of the Sharza-3 burial ground**

Код лаборатории	Номер даты	Дата	+/-	Калиброванный возраст BC (95,4%)	%Yld	%C	d13C	d15N	CN
OxA	42021	2564	19	801–595	16,5	43,4	-19,0	11,7	3,2

По фрагменту черепа погребенного получена дата 2564 ± 19 (OxA-42021), с учетом калибровки (вероятность 95,4%) она соответствует 801–595 гг. до н.э.⁶ Если обратиться к вероятности хронологического диапазона, соответствующего 89,5%, то возраст образца будет соотноситься с 801–756 гг. до н.э., т.е. с 1-й половиной VIII в. до н.э., что значительно сужает период, соответствующий времени сооружения погребения.

Обсуждение

К настоящему времени на Окинском плоскогорье раскопано семь крупных курганообразных кладок диаметром 5–6 м. Они располагаются на высоких террасах рек Ока, Сенца или Жомболок, в открытой остепненной местности. Чаще всего это одиночные сооружения. Исключение составляют памятники Ока-1 и Ока-2, включавшие по несколько курганов. Ни под одной из курганообразных кладок, кроме Шарзы-3–1, не отмечены следы человеческих захоронений. В настоящее время можно предполагать, что окинские курганы из камня без следов захоронений выполняли роль поми-

⁶ Даты и их промежутки погрешностей были калиброваны в программе Oxcal 4.2 (Bronk Ramsey, 2009).

нальников или кенотафов, являясь одновременно искусственными маркерами, закрепившими права их строителей на определенную территорию (Харинский и др., 2022).

На фоне большей части окинских курганов Шарза-3–1 занимает особое положение. Под ее каменной насыпью обнаружены останки погребенного. Захоронение произведено на поверхности земли, что совершенно не характерно для предбайкальских и преобладающей части забайкальских захоронений, в погребальных конструкциях которых всегда присутствует могильная яма. Другой важной чертой, отличающей Шарзу-3–1 от прибайкальских захоронений, является наличие курганной насыпи из камней. Преимущественно в погребениях Прибайкалья встречаются плоские надмогильные кладки или сооружения в виде четырехугольных оградок из вертикально установленных плит — плиточные могилы. Правда, в долинах Селенги и ее притоков — на юге Бурятии и юго-западе Забайкальского края — фиксируются два типа погребальных конструкций — херексуры и монгун-тайгинские захоронения, над которыми сооружались круглые курганообразные насыпи из камней, а умерших хоронили на поверхности земли.

Херексуры представляют собой погребально-поминальные комплексы, «состоящие из каменной курганной насыпи, заключенной в ограду разных форм (в виде круга, квадрата, прямоугольника, трапеции), и поминально-жертвенных сооружений, расположенных вокруг нее. У некоторых херексуров центральная насыпь соединяется с оградой каменными вымостками, дорожками и т.д.» (Цыбиктаров, 2014, с. 62). Центром формирования культуры херексуров правомерно считать Западную Монголию (Новгородова, 1989, с. 255; Худяков, 1987; Цыбиктаров, 1998, с. 142; Turbat, 2016, p. 143; Сэрэ-этэр, 2007, с. 220). Там обнаружено самое значительное количество этих сооружений, имеющих разнообразные формы.

Северо-восточной периферией ареала распространения херексуров является Южное Забайкалье. По долинам Селенги и ее притоков они доходят до подножия хребтов Улан-Бургасы и Хамар-Дабан. Граница распространения херексуров проходит по территории Красночикоийского района Забайкальского края (Мамкин, Белоусов, 2019), Бичурского, Кижингинского, Хоринского, Заиграевского, Иволгинского, Селенгинского, Джидинского, и Закаменского районов Бурятии (Лбова, Хамзина, 1999, с. 54–81, 87–103, 109, 153–161, 174–175). В Тункинском районе Бурятии херексуры не зафиксированы. Самый северный из памятников этого типа находится на ритуальном комплексе Ока-1 в Окинском районе Бурятии (Харинский и др., 2022). На территории Монголии севернее остальных располагается херексур с археологического объекта Овоотын Узуур-1 (Судал-1) на северном берегу оз. Хубсугул, локализующегося в 21 км от российско-монгольской границы (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006).

Понятие «курганы монгун-тайгинского типа» было предложено А.Д. Грачом для ряда безынвентарных курганов, исследованных в Туве, в которых погребенный ориентирован в западном направлении (Грач, 1971). К.В. Чугунов считал, что подобные погребения, располагающиеся в неглубоких ямах или на древней поверхности земли, вытянуто на боку, со слегка согнутыми в коленях ногами, следует объединить в рамках монгун-тайгинской культуры. При этом он полагал, что не правомерно объединять в рамках одной культуры монгун-тайгинские захоронения и херексуры (Чугунов, 1994). С ним не соглашается А.Д. Цыбиктаров, считающий, что основной особенностью хе-

рексуров, отличающих их от погребений монгун-тайгинского типа, является наличие внешней оградки. Если у херексура, содержащего внутри насыпи захоронение, убрать внешнюю ограду, то он будет представлять собой типичный курган монгун-тайгинского типа (Цыбиктаров, 2003). Вслед за Ю.С. Худяковым (1987) он предложил объединить в рамках одной культуры херексуры и оленные камни, а также включить в состав этой культуры петроглифы, которые А.П. Окладников выделил в особую кяхтинскую группу наскальных рисунков Забайкалья (Окладников, Запорожская, 1969, с. 24–25; 1970, с. 141, 159), и курганы монгун-тайгинского типа (Цыбиктаров, 2014, с. 64).

Проведенный А.Д. Цыбиктаровым сравнительный анализ 112 монгун-тайгинских погребений и 24 херексуров, содержащих остатки захоронений, свидетельствует о значительной близости этих погребальных конструкций. Среди общих для двух типов захоронений выделяются следующие элементы погребальной обрядности: положение погребенного вытянуто на боку и на боку с согнутыми ногами, ориентировка погребенного на запад и северо-запад, захоронение умершего в небольшой яме или на горизонте, обкладка захоронения камнями, сооружение вокруг погребенного цисты или каменного ящика, наземное сооружение в виде круглого кургана, наличие одинарного кольца крепиды. В херексурах не встречены лишь четыре признака памятников монгун-тайгинского типа: ориентировка костяков на юго-запад, сооружения наземной конструкции четырехугольной формы, наличие двойных могил под курганом и двойного кольца крепиды. Отсутствие этих признаков, по мнению исследователя, связано со сравнительно небольшой выборкой по херексурам (Цыбиктаров, 2003).

На территории Бурятии до недавнего времени было раскопано всего два захоронения монгун-тайгинского типа, хотя не исключено, что четыре подобных захоронения были вскрыты еще 1896 г. на могильнике Сухой Ключ (могилы №2–5) Ю.Д. Талько-Грынцевичем, на которые исследователь из-за отсутствия находок не обратил особого внимания (Талько-Грынцевич, 1896). Оба погребения исследованы в 1999 г. А.Д. Цыбиктаровым в местности Бурдуны в Кяхтинском районе Бурятии, возле границы с Монголией. Одно из них — курган №22 могильника Старая Капчеранка — было перекрыто круглым уплощенным курганом диаметром 9 м и высотой 50 см. По краям насыпи в восточной половине располагались крупные камни, образующие крепиду. Под центральной частью кургана зафиксирована камера, сложенная из крупных камней высотой до 50 см. Сверху она была завалена такими же крупными глыбами. Камера была установлена на уровне древней поверхности земли, имела размеры 1,8×2,6 м и была ориентирована по азимуту 310°. Пространство внутри нее имело ширину 60–70 см. Внутри камеры на уровне древней поверхности земли обнаружены перемещенные человеческие кости. Вероятно, умерший был ориентирован головой на северо-запад. Никаких артефактов в захоронении обнаружено не было.

Второе погребение представлено курганом №5 могильника Тэмэ-хад-1. Диаметр кургана 10,25 м. По его периметру фиксировались камни крепиды. В центре курганной насыпи находилась валунная камера, сооруженная на древней поверхности земли. Она имела овальную форму и была сложена из крупных камней высотой до 60 см. Ее внешние размеры составляли 3,0×3,35 м, внутренние — 1,90×1,55 м, ориентировка по линии с азимутом 285°. Судя по положению костей, умерший лежал на спине в вы-

тянутом положении, головой на северо-запад-запад. Захоронение совершено на уровне древнего горизонта. Археологический материал в погребении не обнаружен (Цыбиктаров, Кузнецов, 2000).

Погребальный ритуал захоронений, раскопанных А.Д. Цыбиктаровым в местности Бурдуны, схож с обрядом, зафиксированным при раскопках комплекса 1 Шарзы-3. В обоих случаях умершего хоронили на древней поверхности земли, вокруг захоронения сооружали овальную выкладку из крупных камней, ориентированную по линии ЮВ-СЗ. Над погребением из камней сооружался курган круглой формы. Артефакты в захоронениях не обнаружены. Все вышеперечисленные признаки указывает на то, что мы имеем дело с захоронениями, выполненными по единым стандартам, характерным для монгун-тайгинских погребений.

Отсутствие большей части человеческих костей в Шарзе-3 и утрата ими первоначального положения не позволяет уверенно говорить о положении костяка. Судя по овальной форме каменной обкладки костяка, он располагался вытянуто. Наличие в северо-западной части внутреннего пространства каменной обкладки зубов погребенного, а в юго-восточной части — его черепа также не дает возможности однозначно судить о его ориентировке. Хотя, учитывая положение других монгун-тайгинских погребений, можно полагать, что умерший располагался головой на северо-запад. Схожая ситуация отмечена на объекте 1 могильника Бай-Даг-6 в Туве. Авторы раскопок указывают: «В центре этой конструкции находилась циста — могильное сооружение овальной формы, сделанное из крупных плит, установленных вертикально в 2–3 ряда (со временем они наклонились к центру), и более мелких плит, положенных сверху, ориентированная длинной осью по линии З-В. Перекрытия цисты не прослеживались. В центре сделана горизонтальная площадка, местами выровненная мелкими плитами, на которой были положены останки погребенного» (Семенов, Килуновская, 2016, с. 24). Погребенный был уложен на спине и ориентирован на запад. Его череп находился в восточной части цисты, куда он, по всей видимости, был уложен преднамеренно, так как размеры погребальной камеры не предполагали его расположения на западе. Можно предположить, что череп был преднамеренно отчленен от скелета и помещен в ноги (Семенов, Килуновская, 2016, с. 24).

В настоящее время памятники монгун-тайгинского типа открыты во всех горностепных районах Тувы, вплоть до устья р. Хемчик в Саянском каньоне Енисея (Грач, Длужневская, 1973, с. 205; Савинов, 2002, с. 13). Схожие захоронения фиксируются в Горном Алтае (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 82–83; Савинов, 1973, с. 235) и на территории Монголии (Елин и др., 1994; Харинский и др., 2009; Харинский и др., 2023). Таким образом, ареал их распространения охватывает территорию протяженностью около 900 км с севера на юг и 1500 км с запада на восток.

Как считал Д.Г. Савинов, погребения монгун-тайгинского типа существовали в северных районах Центральной Азии на протяжении всей эпохи бронзы, чем, очевидно, объясняется их разнообразие, а наиболее поздние из них (захоронения в цистах на уровне древней поверхности) представляют собой уже результат развития длительной предшествующей традиции. Эти захоронения исследователь предлагает назвать памятниками шанчигского типа и выделить в самостоятельный (поздний) типологи-

ческий вариант монгун-тайгинских погребений и датировать раннескифским временем. Основные конструктивные особенности шанчигских погребений: циста (или погребальная камера из горизонтально положенных плит), перекрытая более крупными плитами (по принципу ложного свода). Она располагалась в центре под курганом округлой формы, по периметру которого сооружалось кольцо из крупных камней или кирпичей. Положение погребенных — скорченное, на правом или левом боку, головой на запад или юго-запад (Савинов, 2002, с. 15).

По классификации К.В. Чугунова (1994), комплекс 1 Шарзы-3 относится ко II типу захоронений монгун-тайгинского типа. Судя по радиоуглеродной дате, его следует датировать 1-й половиной VIII в. до н.э. Как долго носители монгун-тайгинских погребальных традиций проживали на территории Горной Оки, сказать сложно. К настоящему времени раскопано лишь одно захоронение с подобным погребальным ритуалом. Под остальными курганами из камня, напоминающими насыпи монгун-тайгинских захоронений, останки людей зафиксированы не были (Харинский и др., 2022). Их конструктивная схожесть с комплексом 1 Шарзы-3 позволяет говорить о культурном единстве этих сооружений. При этом на археологическом объекте Ока-1 зафиксирован херексур (комплекс 15), который, вероятно, являлся доминирующим сооружением ритуального поля, заполненного насыпями из камней, похожими на монгун-тайгинские курганы. В связи с этим в очередной раз встает вопрос о соотношении двух погребальных традиций — херексурной и монгун-тайгинской. И хотя однозначно об их культурном единстве в настоящее время утверждать сложно, игнорировать их конструктивную близость, формирование единого структурного пространства на памятниках и синхронное существование на единой территории невозможно.

Заключение

В 2020–2021 гг. археологами ИРННТУ проводились исследования курганообразных насыпей из камня, расположенных на остепненных участках Окинского плоскогорья, в юго-восточной части Восточного Саяна. Из шести раскопанных курганов лишь под одним оказались человеческие останки. Погребальный ритуал, отмеченный во время его раскопок, характеризовался рядом особенностей: погребение умершего вытянуто на поверхности земли; вероятная ориентировка тела верхней частью на северо-запад; обкладка погребенного крупными камнями, образующими овал; отсутствие сопроводительного инвентаря; сооружение над захоронением кургана диаметром 5,6 м из камней. Перечисленные особенности позволяют отнести комплекс 1 могильника Шарза-3 к погребениям монгун-тайгинского типа, распространенным на территории Западной, Северной и Центральной Монголии, Горного Алтая, Тувы и Юго-Восточной Бурятии. Возможно, в северных районах подобная погребальная практика доживает до раннего железного века, о чем свидетельствует радиоуглеродная дата, полученная по останкам погребенного в кургане №1 могильника Шарза-3. Вместе с другими подобными курганами Окинского плоскогорья, под которыми не отмечено следов человеческих захоронений (Шаснур-3-1, Сондинто-1-1, Шара-Тала-1-1, Ока-1 и 2), могильник Шарза-3 был сооружен скотоводами, проживавшими в позднем бронзовом — раннем железном веке в остепненной части долины Оки и ее притоков Сенца и Жомболок. К настоящему времени это самая северная популяция носителей монгун-тайгинской погребальной традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аржанников С.Г., Аржанникова А.В., Иванов А.В., Демонтерова Е.И. Легендарный Эргунэ-Кун: исторический этап активизации вулканизма на Жомболокском лавовом поле как причина исхода протомонгольских племен из Восточного Саяна // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, №1. С. 34–49.

Выркин В.Б., Масютина Ю.А. Геоморфологическое районирование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Наука о Земле. 2017. Т. 19. С. 32–47.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1971. С. 93–106.

Грач В.А., Длужневская Г.В. Исследования в Саянском каньоне Енисея и на р. Хемчик // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 205.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники Окинского района Республики Бурятии. Улан-Удэ, 1994. Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. №64. 67 л.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. Вып. XVI. М., 1941. С. 119–134.

Елин В.П., Эрдэнэцой Р., Батмунх В., Баяраа Д. Раскопки на могильнике Овоот в Монголии // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск : Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, 1994. С. 22–24.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

Мамкин А.М., Белоусов В.Е. Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Байкальской Азии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, №6. С. 28–45.

Миягашев Д.А. Отчет о выполнении работ по установлению границ территорий объектов археологического наследия Окинского района Республики Бурятии. Улан-Удэ, 2012. Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. №205. 42 л.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М. : Наука, 1989. 383 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1969. Ч. 1. 218 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

Пашкова Г.В., Мухамедова М.М., Чубаров В.М., Мальцев А.С., Амосова А.А., Демонтерова Е.И., Михеева Е.А., Шергин Д.Л., Пеллинен В.А., Тетенькин А.В. Сравнительный анализ методик рентгенофлуоресцентного определения элементного состава археологической керамики из малых навесок // Аналитика и контроль. 2021. Т. 25, №1. С. 20–33.

Ровинский П.А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Изд-во типографии Сеницына, 1871. С. 31–52.

Савинов Д.Г. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 235–236.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : СПбГУ, 2002. 204 с.

Семенов В.А., Килуновская М.Е. «Разрушение», «разграбление», «ритуал» — погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб. : ИИМК РАН, 2016. С. 15–36.

Сэрээтэр У. Культура эпохи палеометалла Западной Монголии и Саяно-Алтая (сравнительная характеристика) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. №1. С. 218–225.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протокол №8 ТКО ПО РГО за 1896 год. М. : Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1896. С. 14–31.

Ташак В. И. Стоянка каменного века в долине р. Жомболок в Восточном Саяне (предварительные данные) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020а. №2 (38). С. 7–15.

Ташак В. И. Наскальные рисунки утеса Монгольжин в Восточном Саяне как объект исследований: от П.А. Кропоткина до современности // Известия Лаборатории древних технологий. 2020б. Т. 16, №1. С. 62–74.

Ташак В. И. Неолит Окинского плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, 2, 3 // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, №1. С. 15–33.

Ташак В. И., Харинский А. В., Портнягин М. А. Древние ритуальные объекты Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №4. С. 132–156.

Харинский А. В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М. А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, №1. С. 50–75.

Харинский А. В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Тетенькин А.В., Крадин Н.Н., Оргилбаяр С. Археологические исследования 2023 года в юго-восточной части Монгольского Алтая: по маршруту экспедиции П.К. Козлова 1899 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, №4. С. 23–51.

Харинский А. В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д. Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 115–125.

Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М., Тумэн Д., Эрдэнэ М., Идэрхангай Т. Погребально-поминальный комплекс Хавцал II и некоторые вопросы древней истории Прихубсугуля // Mongolian Journal of Anthropology and Ethnology. 2009. Vol. 5, №1 (344):1-53. С. 131–139.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 136–162.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. 287 с.

Цыбиктаров А.Д. Херексуры и памятники монгун-тайгинского типа (проблема культурного соотношения) // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 173–176.

Цыбиктаров А.Д. «Загадка» культуры херексуров и оленных камней в Забайкалье // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. №7. С. 62–65.

Цыбиктаров А.Д., Кузнецов Д. В. Открытие курганов монгун-тайгинского типа на юге Бурятии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. С. 429–434.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургские археологические вести. Вып. 8. СПб. : Б.и., 1994. С. 43–53.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51 (1). Pp. 337–360.

Turbat Ts. Khirgisüür. Archaeological selected relics of Mongolia. Editor-in-chief S. Chuluun and D. Tseveendorj. Ulaanbaatar, 2016. P. 142–151.L

REFERENCES

Arzhannikov S.G., Arzhannikova A.V., Ivanov A.V., Demonterova E.I. The Legendary Ergune-Kun: the Historical Stage of the Activation of Volcanism in the Jombolok Lava Field as the Reason for the Exodus of Proto-Mongol Tribes from the Eastern Sayan. *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022;18(1):34–49. (In Russ.)

Vyrkin V.B., Masyutina Yu.A. Geomorphological Zoning of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Nauka o Zemle = Reports of the Irkutsk State University. Earth Science Series*. 2017;19:32–47. (In Russ.)

Grach A.D. New Data on the Ancient History of Tuva. In: Scientific Notes of the Tuva Research Institute of Scientific and Research Laboratories. Vol. XV. Kyzyl : Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. Pp. 93–106. (In Russ.)

Grach V.A., Dluzhnevskaya G.V. Research in the Sayan Canyon of the Yenisei and on the Khemchik River. In: Archaeological Discoveries in 1972. Moscow, 1973. P. 205. (In Russ.)

Dashibalov B.B. Archaeological Sites of the Okinsky District of the Republic of Buryatia. Archive of the Scientific and Production Center for the Protection of Monuments. Ulan-Ude, 1994. No. 64. 67 p. (In Russ.)

Evtuyhova L.A., Kiselyov S.V. Report on the Work of the Sayano-Altai Archaeological Expedition in 1935. In: Proceedings of the SHM. Issue XVI. Moscow, 1941. Pp. 119–134. (In Russ.)

Elin V.P., Erdenetsoy R., Batmunkh V., Bayara D. Excavations at the Ovoot Burial Ground in Mongolia. In: Problems of Studying the Cultural and Historical Heritage of Altai. Gorno-Altaysk : Agentstvo po kul'turno-istoricheskomu naslediyu Respubliki Altaj, 1994. Pp. 22–24. (In Russ.)

Lbova L.V., Khamzina E.A. Ancient Buryatia: Map of Archaeological Sites. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 1999. 241 p. (In Russ.)

Mamkin A.M., Belousov V.E. A Short Story about Kereksur Kurgans on the Territory of the Eastern Province of Baikal Asia. *Gumanitarnyj vektor = Humanitarian vector*. 2019;14(6): 28–45. (*In Russ.*)

Miyagashev D.A. Report on the Implementation of Work on the Establishment of the Boundaries of the Territories of the Archaeological Heritage Sites of the Okinsky District of the Republic of Buryatia. Archive of the Scientific and Production Center for the Protection of Monuments. Ulan-Ude, 2012. No. 205. 42 p. (*In Russ.*)

Novgorodova E.A. Ancient Mongolia. Moscow : Nauka, 1989. 383 p. (*In Russ.*)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglyphs of Transbaikalia. Leningrad : Nauka, 1969. Part 1. 220 p. (*In Russ.*)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglyphs of Transbaikalia. Leningrad : Nauka, 1970. Part 2. 264 p. (*In Russ.*)

Pashkova G.V., Muhamedova M.M., Chubarov V.M., Mal'cev A.S., Amosova A.A., Demonterova E.I., Miheeva E.A., Shergin D.L., Pellinen V.A., Teten'kin A.V. Comparative Analysis of Methods for X-ray Fluorescence Determination of the Elemental Composition of Archaeological Ceramics from Small Canopies. *Analitika i kontrol' = Analytics and Control*. 2021;25(1):20–33. (*In Russ.*)

Rovinskii P.A. About the Travel to Tunka and Oka as far as Oka Guard Fort. In: Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk : Izd-vo tipografii Sinicya, 1871. Pp. 31–52. (*In Russ.*)

Savinov D.G. Works in the Altai Mountains. In: Archaeological Discoveries in 1972. Moscow, 1973. Pp. 235–236. (*In Russ.*)

Savinov D.G. Early Nomads of the Upper Yenisei. Archaeological Cultures and Cultural Genesis. St. Petersburg : SPbGU, 2002. 204 p. (*In Russ.*)

Semenov V.A., Kilunovskaya M.E. “Destruction”, “Plunder”, “Ritual” — a Funeral Rite in the Context of Ancient Cultures (according to the Archaeological Sites of Tuva). In: Ancient Necropolises and Settlements: Post-Burial Rituals, Symbolic Burials and Robberies. Proceedings of the IHMC RAS. Vol. 46. St. Petersburg : IIMK RAN, 2016. Pp. 15–36. (*In Russ.*)

Sereeter U. The paleometal Age Cultures of Western Mongolia and the Sayan-Altay Region (comparative study). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University*. Ser. 2. 2007;1:218–225 (*In Russ.*)

Tal'ko-Gryncevich Yu.D. Materials for the Paleoethnology of Transbaikalia. Protocol No. 8 of the TKO for the Russian Civil Society for 1896. Moscow : Tov-vo tipografii A.I. Mamon-tova, 1896. Pp. 14–31. (*In Russ.*)

Tashak V.I. The Site of the Stone Age in the Valley of the Zhombolok River in the East Sayan (preliminary data). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*. 2020a;38(2):7–15. (*In Russ.*)

Tashak V.I. Rock Paintings of the Mongolzhin Cliff in the Eastern Sayan as an Object of Research: from P.A. Kropotkin to the Present. *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2020b;16(1):62–74. (*In Russ.*)

Tashak V.I. Neolithic of the Okinsky Plateau: the Sites Tropa Kropotkina-1, 2, 3. *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022;18(1):15–33. (*In Russ.*)

Tashak V.I., Kharinskii A.V., Portnyagin M.A. Ancient Ritual Objects of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(4):132–156. (In Russ.)

Kharinsky A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Portnyagin M.A. Kurgans of the Ancient Population of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022;18(1):50–75. (In Russ.)

Kharinsky A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Teten'kin A.V., Kradin N.N., Orgilbayar S. Archaeological Research in 2023 in the Southeastern Part of the Mongolian Altai: along the Route of the Expedition of P.K. Kozlov in 1899. *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023;19(4):23–51. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Ozheredov Yu.I., Erdenebaatar D. The Northern Coast of Lake Khubsugul in the Paleometallic Time. In: Ecological-geographical, Archaeological and Socio-Ethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 115–125. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Korostelev A.M., Tumen D., Erdene M., Iderhangai T. The Funeral and Memorial Complex of Khavtsal II and Some Questions of the ancient history of Khubsugul region. *Mongolian Journal of Anthropology and Ethnology*. 2009;5(1/344):1-53:131–139. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. Khereksurs and Deer Stones. In: Archeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 136–162. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. Culture of Slab Graves in Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Ude : Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 1998. 287 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. Khereksurs and Sites of the Mongun-Taiga Type (the problem of cultural correlation). In: The steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Book II. St. Petersburg : Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. Pp. 173–176. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. The “Secret” of the Culture of Khereksurs and Deer Stones in Transbaikalia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*. 2014;7:62–65. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D., Kuznecov D.V. The Discovery of Mounds of the Mongun-Taiga Type in the South of Buryatia. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Issue VI. Novosibirsk : Izd-vo IAE SO RAN, 2000. Pp. 429–434. (In Russ.)

Chugunov K.V. The Mongun-Taiga Culture of the Late Bronze Age in Tuva (the typological classification of the funeral rite and the relative chronology). In: St. Petersburg Archaeological News. Issue 8. St. Petersburg : B.i., 1994. Pp. 43–53. (In Russ.)

Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates. *Radiocarbon*. 2009;51(1):337–360.

Turbat Ts. Khirgisüür. Archaeological Selected Relics of Mongolia. Editor-in-Chief S. Чулуун and D. Тseveendorj. Ulaanbaatar, 2016. Pp. 142–151.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Работа выполнена на паритетных началах.

The work was carried out on a parity basis

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия; профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия.

Artur V. Kharinskii, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation; Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation.

Кичигин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия.

Dmitrii E. Kichigin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2024;
одобрена после рецензирования 17.02.2024;
принята к публикации 01.03.2024.
The article was submitted 16.01.2024;
approved after reviewing 17.02.2024;
accepted for publication 01.03.2024.*